

The background of the cover is a painting of a sunset or sunrise over a body of water. The sun is a bright yellow circle in the upper center, with rays of light extending downwards. The sky is a mix of orange, yellow, and dark blue. The water in the foreground is dark and textured with brushstrokes. Two large, dark, textured wings, possibly of a dragon or a large bird, spread out from the center towards the top corners. The wings have a scale-like or feather-like texture. The title 'Роман Проклятие' is written in a yellow, cursive script across the middle of the wings.

Роман Проклятие

Анна Горяинова

ПОСЛЕДНЕЕ ЛЕТО

Анна Горяинова

Последнее лето

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17070181
ISBN 9785447446451*

Аннотация

Москва, зима, аэропорт Домодедово. У стойки маленькой арабской авиакомпании встречаются 8 человек, решивших навсегда изменить свою жизнь. Причины у каждого свои, маршруты тоже. Однако из-за накладки в аэропорту все они оказываются в одном самолете, приземлившемся в богом забытом городке. Пытаясь добраться до цивилизации, герои попадают в Д****д – один из «свободных городов» в Сахаре. Он появился во время большой войны в регионе, и официальные власти страны о нем забыли...

Содержание

Зал ожидания	5
1	5
2	9
3	10
4	11
5	15
6	17
7	19
8	25
9	28
10	30
11	32
12	33
Баар	37
13	37
14	39
Город	43
15	43
16	48
17	51
18	56
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Последнее лето

роман-приключение

Анна Горяинова

© Анна Горяинова, 2016

© Надежда Кабанова, дизайн обложки, 2016

© Надежда Кабанова, иллюстрации, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Зал ожидания

1

Если хочешь исчезнуть, нельзя упускать правильное время. А то кто-нибудь попадется на лестнице и спросит, когда ты вернешься. И придется что-то соврать, а врать рано утром очень противно.

Телефон показал пять утра. Где-то на краешке неба опаловым светом светился рассвет.

Я нащарила на ковре пульт от стерео и нажала на play. Заиграл Oasis. Wonderwall. Идеальная песня для зимнего неба и первых часов утра.

На столе экран ноута отсвечивал моей статьей. Ее только что опубликовал модный блог. Я ее просто наговорила, писал редактор. Я же не люблю писать. Слово – очень грубый и ограниченный инструмент. Он подходит для передачи простой информации. «Пришел, увидел, победил». Или «Осторожно, там пожар». Это факт, это правда, это общая реальность. Все остальное – попытка рассказать свою реальность другому. Для этого подходит только цвет. А буквы обычно – черно-белые. Но рисовать что-то стоящее я давно разучилась. Однажды ночью, три года назад, когда где-то внутри меня кончились краски. Остались только эти две – черная

и белая. И последние силы у меня уходят на то, чтобы не дать им смешаться.

Я взглянула на экран и снова перечитала статью:

«У успешных синглов хорошая работа, дорогое жилье, любимое дело, и даже порой не одно. Сингл, когда звонит в службу бронирования, уточняет: «На одного, пожалуйста». Ну или чаще так: «Single, please».

Сингл еще достаточно молод, чтобы чего-то и кого-то хотеть, но и уже достаточно вырос, чтобы ни от кого ничего не ждать.

Синглу нравятся красивые люди. Он или она даже иногда берет такого в свой односторонний съют на выходные в Европу или на закрытую премьеру Вонга Кар Вая.

Сингл часто встречает рассветы один.

Сингл, возможно, когда-то был даблом. Бежал с работы домой, покупал семейную машину и хотел детей. Но потом все кончилось. И начинать тебе больше не хочется.

Ты столько трудился над своим миром. Ты снова сделал все так хорошо и красиво. Тебе не нужен некто, который придет и будет все рушить. Ты и так еле выбрался в прошлый раз.

И теперь тебе нужен партнер. Не домработница, не повар, не слесарь-водитель и не экзотическое растение. Партнер. Который не будет лезть руками в твою стройку, а начнет спокойно строить рядом. А потом вы сделаете между башенками мост и будете ходить друг к другу в гости».

За пять лет в квартале успешных синглов я видела много башен и башенок. Но мало мостов. Наверное, для них нужно время. А может быть, просто не все башни равны по высоте... Свой последний мост я сожгла вчера. И сегодня мне больше нечего делать в квартале успешных синглов.

Я подняла глаза и посмотрела за экран, в окно. Туда, где квартал успешных синглов подрагивал во сне, мигая редкими огоньками окон, за которыми кто-то нервно не спал, не рисовал, не писал, не жил.

Поспать... Но нет уж. Если отправляться в путь, то именно так, в пять утра, под опаловым небом, закинув компьютер и паспорт в пустой рюкзак, а ключи – в почтовый ящик соседа. Который, быть может, польет мой баньян и допьет бутылку бургундского в баре. А когда надоест, сдаст эту комнату кому-то другому. Вместе со всем старым хламом, включая коллекцию туфель, гитару и матрас для кота. Которого я так и не завела.

Еще я оставляю свои картины. Перед уходом леплю на одну из них стикер. На желтой бумажке вывожу: Гошану. Так зовут соседа. Гошан – писатель. Его рассказы короткие и в них нет финала. Меня это бесит. Гошан говорит, это бывает, когда страшно придумать свое продолжение. Бывает. Наверное. Только не от того, что страшно придумать. А просто придумывается страшное.

«Ночные мосты» – этому засранцу. Остальные картины пусть раздарит, или продаст, или я не знаю, и мне наплевать.

Все, что я знаю сегодня, это что цифра на моем счету хороша. Что в паспорте еще много пустых страниц. И что от холодного воздуха и безграничного неба, оказывается, рано утром перехватывает дыхание.

Скоро в город придет Новый год. А этой ночью в него пришел дождь. И замерз под утро на деревьях и проводах. И все стало стеклянным и сказочным. Хрупким и еще более ненастоящим, чем обычно.

По пустому стеклянному бульвару медленно едет такси, мигая зеленым зрачком. Они здесь не редкость – в этом районе жильцы уходят поздно, возвращаются рано, задерживаются ненадолго, и, по большей части, не имеют водительских прав.

Я поднимаю руку. Водитель похож на старого хитрого тролля из сказки, которой пугают белобрысых норвежских детей.

– Куда едем?

– В аэропорт.

– В какой?

– Не знаю. В любой. В смысле... В «Домодедово».

Троль только хмыкнул в шарф. Здесь много чудных клиентов – привык.

2

До аэропорта остался километр. Мы едем его третий час. Радио не работает. Телефоны тоже. Навстречу по обочине движутся люди с чемоданами. Пешком.

– Вон там есть разворот. Может, поедem обратно в город, сдашь билет, завтра полетишь?

В обратную сторону тоже тащится вереница машин. Так же медленно. У тех, других, впереди холодный город, покрытый льдом и туманом. У меня – опаловое небо. Без номера рейса и багажа.

– Нет, едем вперед.

– Окей... – пожимает плечами мой сказочный таксист.

3

У входа в аэропорт творился ад. Выйдя из такси, я достала сигарету. Тролль тоже вышел и закурил. К нам подбежал растерянный парень с большим баулом.

– Вы такси?! Сколько стоит до Москвы?!

Мы с троллем переглянулись в удивлении.

– Ну полторы... – неспешно протянул тролль.

– Вы подождете, я за женой с ребенком сбегая?! Подождете?!

– Подожду, – сказал изумленный тролль в спину парню, – Странный какой... Последний раз предлагаю: поехали с нами обратно?

– Спасибо. Нет. Я полечу.

– Ну что ж... Удачи тебе.

Я выкинула бычок и стала проталкиваться к дверям.

Черное неработающее табло международного аэропорта – это, оказывается, одно из самых жутких зрелищ на свете. Пассажиры стекались к нему из разных концов темного здания и жались друг к другу, в страхе вглядываясь в мертвый экран. Что там случилось снаружи? Война или внезапный конец цивилизации?

А снаружи тихо падал снег, занося подъезды к аэропорту «Домодедово». В котором настал конец света из-за обрыва кабеля где-то в глухом подмосковном лесу.

Сунув в карман бесполезные нынче паспорт и кредитку, я пошла бродить по зданию. Мне не встретилось никого из персонала или полиции. В голове крутилась странная идея, что они все тоже работали от розетки и застыли теперь в странных позах где-то в недрах «Домодедово»...

В одном из переходов на меня из тьмы выскочила перепуганная стюардесса. И пронеслась мимо, быстро исчезнув в неосвещенном коридоре.

Вокруг все было тихим и неподвижным. Как будто гигантский аэропорт вдохнул и задержал дыхание.

– Похоже, входы и выходы не охраняются – все смылись. Можно выйти на летное поле и потрогать самолет...

Голос принадлежал бородатому парню. Он стоял у стойки арабской авиакомпании, и разговаривал с грустной брюнет-

кой.

– Привет, – зачем-то сказала им я.

– Ну как же... Ведь ребята ждут в ****ре. Мы все договорились там встретиться. А у меня даже телефон не включается! – девушка не обратила на меня внимания. Она в таком отчаянии стучала пальцем в экран, будто надеясь, что ей оттуда в конце концов скажут «Заходи, открыто».

– Привет, – сказал мне парень, – Я Дима.

Брюнетку звали Рита. Она раньше была секретаршей в банке. Однажды Рита собрала по скайпу тусовку людей из разных стран, чтобы поехать путешествовать в Эфиопию. Потому что вместе не страшно. Из банка пришлось уволиться: отпуск на месяц ей дать отказались.

– Но это ничего! Все равно пора было что-то менять. Я вообще-то антрополог по образованию... – девушка наконец отложила телефон и мы разговорились.

Голос Риты звучал мягко и грустно, и был похож на падающий за окном снег. Главная проблема была совсем не в банке, а в том, что чуваки – один из Дубая, второй из Шотландии, третий из каких-то всемирных выселок типа Бангладеш – друг друга в глаза никогда не видели.

– Мой рейс опоздает, они потеряются, наше путешествие сорвется... – вздыхала Рита.

– Значит, каждый начнет свое – ответил невозмутимый Дима.

Казалось, рухни мир ему на голову, Дима просто стряхнет

крошки с плеча и будет дальше смотреть в окно на заинде-
вевшие хвосты самолетов.

Он летел через тот же ближневосточный город ***р в Ла-
тинскую Америку: «Знакомый работу обещал, водителем
в агентстве. Если нет, то просто пошляюсь по джунглям,
а там будет видно».

Еще через час выяснилось, что Дима был генетиком,
и до сегодняшнего дня работал в каком-то научном учрежде-
нии.

– Уволился вчера, – лаконично сообщил он. Мы почув-
ствовали, что спрашивать дальше не стоит.

Постепенно к нам подтянулись девочка-кайтер Ася, ле-
тящая кататься в Марокко, и симпатичная пара в дредах,
с большими рюкзаками и мальчиком лет десяти.

Последним из тьмы возник Дэн, неразговорчивый парень
в очках.

– В двадцать первом веке живем. Максимум час-два, и все
включат – уверенно бросил он, на секунду оторвав взгляд
от планшета. Из-под рукава свитера блеснули дорогие часы.
Свитер был неброский и тоже недешевый.

– Ой, у вас есть Интернет! – встрепенулась Рита. Все
остальные уже час говорили друг другу «ты».

Парень бросил на нее быстрый взгляд.

– Нет, к сожалению. Я книжку читаю.

Рита расстроено вздохнула. Я тоже.

Я решила купить билет на этот рейс. Это можно было

элементарно сделать через телефон. Но, конечно, не сегодня. Вместе с электричеством аукнулась и мобильный связь. По терминалу ходил слух, что обесточило весь город, или вообще всю страну.

Аэропорт начинал потихоньку выдыхать, шуметь и шуршать по углам неясными тенями и шепотами.

Кто-то пробежал рядом и сказал, что у стоек регистрации в другом конце здания раздают бесплатное мороженое.

Мы молча посмотрели на падавший за окнами снег.

Ни одного служащего по-прежнему не было видно.

От нечего делать я приглядывалась к загадочному Дэну. Похож на тигра. Голос – низкий, глубокий. Сексуальный даже. Как тихое, уверенное рычание. Он-то что забыл на этом нищевродском рейсе, летящем в пыльную столицу небогатого государства?.. – подумала я. Но спросить не решилась. Наверное, надо по делу.

У меня в нищевродском государстве дел особых не было. Но, если уж вошел в аэропорт, уходить из него пешком как-то глупо...

Прошел еще час. По ту сторону стойки авиакомпании так никто и не появился.

– Смотрите, там свет! – сказала Рита. – Ну вот, уже все починили!

Однако большое табло так и оставалось мертвым.

– Уважаемые пассажиры – раздалось тут с потолка – Мы подключили резервный генератор. Аэропорт работает в аварийном режиме. Все вылеты на сегодня отменяются. Входящие рейсы принимают другие аэропорты. Просим пассажиров и встречающих по возможности покинуть здание. Мы оповестим вас об изменении ситуации по смс и электронной почте.

За окном сквозь метель светились две полосы огней. Красная – в сторону города. Белая – в сторону «Домодедово». Две огромные, совершенно неподвижные очереди из желающих улететь и уехать.

– Страна чудес, твою мать. Вы как хотите, я домой – сказал Дэн.

– Кхм – кашлянула я, кивая в сторону пейзажа за окном. – Вы уверены, что есть шанс?

– Шанс есть всегда. Не торчать же здесь неделю, уеду уж как-нибудь. Всем пока – и мрачный Дэн растворился в аэропортовом полумраке.

– Домой... – произнес Дима и как-то грустно усмехнулся. – А мне вот некуда возвращаться. Только вперед теперь...

– И вверх... – кивнула Рита. – Меня родственники и так чуть живьем не съели с этой Эфиопией. Если вернусь, второй раз из дома не выпустят.

– Какая разница, где ночевать, здесь или в пробке – сказала Ася-кайтер, – И вы представьте, что за срань начнется, когда все эти курортники с путевками получат свои смски и побегут обратно в аэропорт? В дверь же не войдешь! Не, я здесь подожду.

Я молча пыталась прорваться сквозь едва работающую связь к сайту небольшой арабской авиакомпанияи.

Откуда-то запахло кофе.

– Похоже, кафешки заработали. Пошли поедим чего-нибудь? – рыжая Ася теребила молнию чехла кайтовой доски, на котором сидела.

– У тебя есть наличка? – удивилась я.

– Нет почти. Рублей сто, может, наскребу...

– Тогда мы с тобой в обломе. Связи ж нет, карточки не работают.

– У нас есть сыр... – переглянувшись, тихо сказали приятные чуваки в дредах. – Бри. Французский. Килограмм.

– Фу, мама, зачем вы взяли эту гадость! – скривился мальчик.

– Потому что кому гадость, а кому и радость. Я вот моцареллу не люблю, а роллы тебе с ней все равно готовлю – терпеливо объяснила ему мама.

– У меня есть медицинский спирт. Пол литра – с задумчивым видом сообщил Дима.

Я молча достала из рюкзака пакет чипсов и положила на стойку.

– Ну, чем могу... – сказала Ася и положила рядом полупустой кулек семечек «От Мартина» и пачку сигарет.

«Е... твою мать суки понаставили тут» – раздалось внезапно совсем рядом. Это кто-то нервный споткнулся о багаж.

Вокруг впотьмах бродил народ и периодически ругался матом по какому-нибудь поводу.

– А пошли на второй этаж. Там и людей всегда меньше, и присесть вроде можно – предложила я.

Ну и еще наверху обычно бывает теплей.

Наверху было тихо. Правда, кресла оказались заняты спящими пассажирами.

Зато пол был свободен – по крайней мере, по нему никто не шлялся кругами, матерясь. Мы кинули на него спальник, його-коврик и кайтовую доску. На этом, оказалось, можно прекрасно устроиться шестерым взрослым людям с полулитром медицинского спирта.

Мелкому Яну мы выдали всю имеющуюся мелочь и отправили по кафешкам на разведку. Через полчаса он вернулся с пакетиком сока, который по стоимости был вполне сопоставим с бутылкой виски.

– У нас был ресторан в ...й области. Закрывать пришлось. Долго расстраивались. За то, чтобы сохранить дело, нужно было давать такие взятки... Честно – дело даже не в деньгах. Просто как увидели эти рожи чиновные... Пришли домой позавчера вечером, сели вдвоем... И решили, что лучше возьмем все деньги, и поедем путешествовать. Может, на месяц, может, на год, фиг знает. Как пойдет – Лия, мама Яна, зажмурилась и одним махом выпила порцию спирта из пластиковой пробки. Она говорила, не по-столичному растягивая гласные.

– А я карпов, блин, разводил!.. – излишне громко сказал Дима. Он был уже изрядно пьян. – Слышали о Всемирной

фармакологической конференции? Во всех новостях было два месяца назад.

– Это где про лекарство от рака говорили? – вспомнила я. – Русские же по-моему ученые как раз выступали там?

– Да. Я и выступил. Читал наш доклад.

Мы в шоке уставились на Диму.

– Так оно есть? – благоговейно спросила Рита.

– Оно могло бы быть. Но его не будет – Дима смотрел в окно на падающий снег. Он почти протрезвел. Его спокойный тон звучал страшно.

– Вот это да... – замороженно сказала Лия, – Значит, теперь таким людям можно помочь?

– Нельзя никому помочь, – ответил Дима, – Тем более теперь...

– Почему? – удивился Марк.

Дима сделал большой глоток из фляжки, посмотрел на снег и сказал:

– После доклада такая поднялась буча... Мы ехали и думали, что сейчас нас завалят предложениями. Столько лет бились, работали в институте за три рубля – ради лаборатории, вкладывая в исследования свои деньги. Ночами и выходными работали. А днем я телефоны в Евросети продавал... Китайские...

– Так оно есть... – тихо проговорила Рита. Казалось, про Евросеть она не слышала.

– Если коротко, то есть особый ген, отвечающий за му-

тацию клеток. И его можно контролировать, – Дима тоже на время забыл про китайские телефоны, – Мы вели тестирования на карпах. Результаты – сенсация... При хорошем финансировании мы могли бы продвигаться достаточно быстро, чтобы успеть спасти сотни жизней... После выступления, вечером, нас пригласили на неофициальную встречу в шикарный ресторан и популярно объяснили, что мы, конечно, молодцы. Но ни один концерн, производящий лекарства для поддержания остатков жизни больных раком не будет вкладываться в проект, который убьет весь бизнес... Бизнес, это, конечно, очень важно. Бизнес должен жить, блядь...

Все снова замолчали. Беспольный телефон показал время – 18.30. Вокруг стало очень тихо и уже по-вечернему темно. Красно-белые полосы неподвижно тянулись сквозь метель за окном. Аварийный свет, видимо, работал только внизу. Если вообще еще работал.

– А как же карпы? – неожиданно спросил Ян.

– Сдохли... – сказал Дима, тоже каким-то неживым голосом.

– Так, слушайте, друзья. Что-то слишком у нас тут мрачно – голос Лии, наоборот, звучал очень решительно – У кого была зажигалка?

У Лии в рюкзаке оказался большой пакет с чайными свечками и благовоньями. От этого охренел даже ее муж Марк.

– Ну да, сыр ты тоже просил выкинуть... – протянула Лия. Ян радостно бегал вокруг, расставляя по полу свечки. – Ян,

давай ты сделаешь из свечей дорожку от лестницы к нам? Вдруг кому-то мы нужны, а он найти нас не может.

– Да кому мы тут нужны – проворчал Дима, улыбаясь сквозь бороду. Он держал только что зажженную свечку, и огонек, отражаясь, озорно прыгал в его глазах.

– Никогда не знаешь наверняка... – задумчиво произнесла Лия, глядя на маленький свет в своей ладони.

Дима достал из рюкзака красивую резную дудку.

– Шаман один подарил, на Алтае. Говорит, волшебная – гармонизирует пространство.

– Играть-то научил? – недоверчиво спросил Ян.

– Сейчас узнаем – усмехнулся Дима.

Звуки странной мелодии кружились по залу ожидания, сливаясь с неверными отблесками свечей и ароматом сандаловых благовоний. Мы стали похожи на тайный орден, собравшийся помолиться своему богу.

– Знаешь поговорку: «Чтобы насмешить бога, расскажи о своих планах»? – сказал мне Марк, пока мы зажигали свечки – Мне в детстве казалось, что существует какой-то отдельный, специальный смеющийся бог. И когда все твои планы рушатся, нужно быстро поднять голову, чтобы успеть сквозь тучи увидеть его улыбку.

– Эй, рейс 7230 Москва-***р, это вы? – раздалось вдруг из темноты.

– Дэн? Ты ж домой уехал? Сюда-сюда, иди на огоньки! –

закричали мы.

Из тьмы, сверкая очками и часами, возник Дэн. Дима по-двинулся на його-коврике, освобождая место.

– Как хорошо, что вы сюда догадались пойти. Внизу сплошной ад – народ дерется за место, да и просто так уже, по-моему.

Дэн не смог выбраться из аэропорта:

– Экспресс стоит на рельсах на полпути до Москвы. На дороге до города пробка, отсюда начинается. Таксист заломил денег – до Казани можно долететь. Бизнес-классом, блин. Ладно, пришел в аэро-отель. Эти меня вообще убили: света нет, воды нет, отопления нет. Мест тоже нет...

Дэна почти трясло. Дима протянул ему фляжку с остатками спирта. Дэн добил согревающий запас одним глотком.

– А пожрать че есть? – спросил он. Ася протянула Дэну семечки. Все остальное мы к тому моменту уже прикончили.

– Внизу бары работают. Тоже при свечах. Пошли? Вместе больше донесем – энергично затряс Диму Дэн. Мы посмотрели на него с сожалением.

– Ты не сможешь... – начал Дима.

– Так, понятно. Окей, вы, главное, никуда не уходите. Искать потом замучаешься.

– Сейчас расстроится чувак... – грустно сказал Дима, когда Дэн унесся в Ад Нижнего Мира. Так мы успели окрестить первый этаж «Домодедово». – Забыл, что карточки от свечей не работают.

– Уважаемые пассажиры! – бодро раздалось над головой. Мы только что не подпрыгнули – Напоминаем вам, что по правилам безопасности на борт нельзя проносить колюще-режущие предметы, в том числе маникюрные ножницы – продолжил голос. Затем он повторил объявление на английском и еще на каком-то странном языке. И затих.

– По-моему, это казахский – сказала Рита, в некотором шоке разглядывая в окно темное взлетное поле без признаков жизни и замороженные самолетные хвосты.

Никто никуда не летел, и мы продолжали сидеть, уже молча и почти в темноте.

– Эй, вы еще здесь? Помогите кто-нибудь, возьмите пакеты! – раздалось тут из тьмы.

Вид Дэна, увешанного пакетами с едой и обнимавшего ящик вина, поразил нас даже больше, чем казахское объявление.

– Как?.. Карты же не?... – ошарашенно спросили его практически одновременно все.

– Знаете, как англичане говорят? «Кто хочет – ищет возможность», блин... – сообщил Дэн, пропихивая ключом пробку в бутылку «Кьянти».

В креслах на нашем этаже спали, как оказалось, дайверы. Эти невозмутимые люди летели в африканскую страну с подозрительным названием, похожим на слово «диарея». Дайверы пришли к нам с гитарой и час пели что-то про механика, застрывшего в шасси. Потом выпросили свечек и отпочковались с ними в другой конец зала ожидания. Темных углов вокруг стало меньше.

Ночью мы почти не спали. Что-то внутри аэропорта окончательно сошло с ума. Каждые полчаса загорался свет и железный голос рассказывал про казахские маникюрные ножницы. Через несколько секунд свет затухал.

Мы с Дэном караулили интернет. Ближе к рассвету цифровой бог смиростивился и остался с нами на целых десять минут. За это время мы прочитали новости о том, что в Домодедово все под контролем, и самолеты вот-вот залетают. Подконтрольный неведомо кому голос снова попытался высказаться с потолка, но захлебнулся на полуслове. «Сломался...» – предположил Дэн.

Я купила билет на рейс в ***р, улетевший вроде как вчера. В призрачном колыпании теней и света время исчезло. На нашем этаже не было ни сегодня, ни завтра. Только ожидание полета. В окна постучался очередной бледный московский рассвет.

Утром я пошла чистить зубы в туалет на первом этаже – наш оккупировали дайверы.

В Аду Нижнего Мира творился вполне реальный ад. Пьяные лица. Разбитые лица. Усталые лица. Спящие – везде, на полу, на креслах, на чемоданах. Холод собачий. Странно, почему такая разница – ощущение, что у нас наверху топят, а здесь нет...

Пробираясь к туалету, я перешагнула через чью-то сумку. «Ах ты сука! Х-ли тут расходилась, тварь!». Огромных размеров бабища в шубе, визжа, ломилась ко мне, наступая на чужие ноги, руки и чемоданы. Вид у бабищи был безумный. Я рванула в сторону туалета бегом.

Странно, но гоблины с первого этажа так и не додумались подняться по лестнице. У нас по-прежнему было хорошо и спокойно. Похоже, Дима все-таки гармонизировал пространство и его музыкальный шаманизм до сих пор работал, заслоняя нас от безумия.

Безумие, правда, донеслось до нас во время очередного выхода в интернет. «Ситуация в аэропорту Домодедово полностью контролируется. По словам директора аэропорта, пассажиры обеспечены всем необходимым. Желающим бесплатно выдают горячий чай и бутерброды...» – зачитал Дэн – «Десять баксов за бутерброд – это теперь называется бесплатно? И где они, интересно, горячий чай без электричества взяли».

– И куда его дели? – спросил не по годам ехидный Ян.

Я передернулась, вспомнив замороженный Нижний Мир.

– Хоть бы кулеры с водой в залах поставили, уроды... – вздохнул Марк.

«Уважаемые пассажиры! Напоминаем вам, что на борт запрещено проносить колюще-режущие предметы...»

– Заткнись! – хором сказали мы с Асей, обращаясь к потолку. За ночь заботливая электрическая женщина вынесла уважаемым пассажирам весь мозг.

Еще через сутки мы покинули аэропорт. Эти двадцать четыре часа я помню обрывочно. Как кадры кино, которое смотришь, из последних сил борясь со сном.

Драка на регистрации.

Духота в переполненных залах.

Теплое шампанское, купленное на последние деньги в дюйти-фри. Питьевая вода стоила в три раза дороже. Мы пили его, сидя на полу под плакатом «Приносим извинения за доставленные неудобства». Вылет отложили в сто пятый раз. Мигающий, неверный свет. Только не вздумай снова погаснуть, не смей...

Меня спасало совершенно отрешенное состояние. Уже несколько лет я наблюдала мир со стороны, и он не вызывал никаких эмоций, кроме легкого недоумения.

Спроси меня – хочешь завтра сдохнуть? Ответ был бы «а что не сегодня?». Мне и правда было плевать.

Но в тот момент, когда мы зажигали свечи в зале ожидания и Дима играл на флейте... Я смотрела на лица, по которым плясали тени и свет. Что-то громко бухнуло внутри, застучало по ребрам, прокатило теплую волну по спине. Железный голос вдруг коротко хохотнул над головой. И вместо казахских слов мне послышалось: «А ты ведь живая...!». Я быстро подняла голову. В зале опять погас свет. По потолку

пробежал странный бледно-золотой отблеск.

...Перепуганные стюардессы на посадке. Оружий на свиту благим арабским матом капитан. Почему-то он был в военной форме.

Закутанные в платки женские лица. Спящие смуглые дети. После 48 часов в Домодедово все пассажиры похожи на бомжей, или на цыганский табор.

Дима и Дэн заплетающимися языками спорят о теории мирового заговора.

– Эй, ты в порядке?

– Я? В случайном.

Кто-то все время оказывается рядом со мной. И я все время оказываюсь рядом с кем-то.

Открыт наш гейт. В это почти никто не верит, но это так.

Посадка. Табор уходит в небо по трапу А-320.

Взлетаем в рассвет. Где-то внизу еще видны неверные огни обледенелого города. Они исчезают, как чужое воспоминание. Город-призрак, прощай. Прощай навсегда.

– Где моя кайтовая доска? – говорит Ася, стоя у пустой ленты транспортера.

– Меня больше интересует, где я... – мрачно произносит Дэн.

Мы прилетели не туда. В суматохе борт выпустили из Домодедово, объединив рейсы за три дня. И вместо столицы, мы внезапно оказались в каком-то пыльном ближневосточном Зажопинске. Здесь время заснуло, и никто ничего ни о ком не знал.

Багаж пропал, так же, как и стыковочные билеты у ребят. Теперь они не могли лететь дальше. По крайней мере, отсюда уж точно.

Зато везде можно было курить.

Ася курила.

Дима осоловело трезвел в углу.

Дэн ушел умываться, дорогой громко пнув урну и матюгнувшись.

Единственное разумное существо среди нас – десятилетний Ян – пытался вылезти в Интернет с моего телефона.

Я купила пачку местных сигарет. На ней была криво нарисована мифологическая женщина. Вкус у них был сладкий и резкий. И не было фильтра. Через две затяжки я поняла, что не могу от них оторваться.

Интернет не работает. Багажа нет. Английского никто здесь не знает. Все выяснили, пора, наконец, отсюда выбираться.

Снаружи горячий воздух и бетон. Желтое, синее, белое. Стеклопанная дверь взлетно-посадочного мира давно закрылась. За спиной – теперь только свои крылья. Расправить их и вперед, в низкое небо над пустыней. «*Don't look back...*» – внезапно говорит мне мой плеер. Один наушник в правом ухе. Всегда. Городская привычка.

Какой-то старей человек долго смотрит на нас, потом берет Диму за руку и спрашивает: «Бус? Сити?». Дима грустно кивает бородой. Мы плетемся за дедом сквозь полусон и жару, садимся в ободранный автобус.

Он такой старей, что ездит сквозь время. Он увозит пассажиров туда, где из века в век древняя молитва слышна с минарета. Где живут забытые в детстве ковер-самолет и сказочный джинн. Где происходят чудеса – всегда, и никогда – новости из Интернета.

Горячий ветер гладит лица сквозь открытые окна. Прозительное небо отражается в черных очках-авиаторах. Уже трудно поверить, что где-то может случиться дождь. Что где-то вообще может что-то случиться.

Автобус, чихая пылью, плетется по пустыне. Под вечер мы въезжаем в какой-то большой город и встаем в диковинную пробку из ослов, верблюдов и ржавых фольксвагенов-жуков. Жуки, вздыхая, ползут через мост, навстречу огненному закатному шару, который вот-вот скатится с горизонта на блестящую ладонь реки.

– Здесь есть аэропорт?

– *No*.

В перерывах между городами Дэн узнает, что сделка, на которую он летел, сорвана, а его уволили с работы. Ну и хер с ними, говорит Дэн, и пытается покурить на заправке...

Ася, пережив сто двадцать шестую попытку узнать о судьбе нашего багажа и своей доски, плюет на это дело и успокаивается.

Лия и Марк отобрали у Дэна планшет. Типа для Яна, чтобы было, чем занять ребенка в дороге. Ага, пятый час сами играют на нем в какую-то хрень, громко ругаясь.

Ян подружился с арабом-водителем и тусуется в кабине.

Дима большую часть времени спит, обняв рюкзак.

Я слушаю *Tiesto* и рисую в блокноте придорожные низкие горы и лица соседей.

Где мы? Куда мы едем? А черт его знает... Просто едем.

Большой город кончился, кругом снова пустыня. Уже ночь. Интересно, а у этого автобуса вообще есть конечная остановка?..

Свет в салоне давно выключен, только мерцает экран – в телевизоре идет арабское кино. Мне симпатичен актер, который играет главную роль. У него сухое, очень живое и подвижное лицо. Он все время попадает в неловкие ситуации, над ним все смеются, и мне его жалко. Я внимательно слежу за развитием сюжета, пока не засыпаю.

Просыпаюсь я от удара. Кругом крики, грохот, какая-то беготня. Автобус стоит.

– Что случилось? – спросила я у Дэна, оказавшегося поблизости.

– Да хрен знает – я спал.

Двери открыты, и мы выходим на улицу. Авария. Автобус столкнулся с какой-то железной ремонтной херней. Рабочие забыли ее посреди дороги. По счастью, скорость была небольшая, и никто не пострадал. Кроме херни, которая помялась.

Но наша колымага, и так с трудом передвигавшая колеса, после этого наотрез отказалась заводиться.

Арабские мужики столпились возле раскрытого капота. К ним пошли Дима и Марк. У Димы, единственного на весь

автобус, был фонарик. А Марк когда-то работал механиком в гараже.

Мы вытащили рюкзаки из салона и уселись на большие камни у дороги. Над головой был купол из ярких звезд. Я никогда не видела таких. Где-то вдаль угадывались очертания гор и белая полоса огней. Там, наверное, какой-нибудь город, и до него можно дойти пешком? Молодая арабка, немного говорившая по-английски, объяснила, что это мираж, и на самом деле город очень далеко, можно идти несколько дней через пустыню, и так до него и не добраться.

Пришел Марк. Он присел на корточки рядом с нами, посмотрел в небо и закурил.

– Ремень генератора лопнул. Запасного у них нет – сказал он, выдыхая дым в звезды.

– И что это значит? – спросила я.

– То, что эта куча металлолома сама больше никуда не поедет. Только на эвакуаторе.

– Во бля... – высказались вдруг тихая Рита. – А ближайший город где?

– Непонятно. Связи нет. Или деньги, наконец, кончились... – проговорил Дэн, глядя в экран планшета.

Мы молча сидели на рюкзаках посреди пустыни и курили, глядя на небо и иногда – на пустую трассу. Вокруг были только небо и ночь, темная и тихая.

Когда что-то замигало вдаль, мы решили было, что это опять мираж.

Но пространство вокруг нас оживилось и хрипло запричитало: «*arabea*», «*arabea*».

– Смотрите, там машина, машина! – закричал Ян, и бросился на дорогу. Лия еле удержала его и отругала.

И через некоторое время возле нас действительно остановился большой ободранный пикап. Из пикапа вылезли два молодых парня. Они оживленно говорили с обступившими их пассажирами. Мы тоже подошли к машине, силясь понять хоть что-нибудь из их беседы.

– Ох ты йо... – раздалось за спиной. Я обернулась – Ася с любопытством разглядывала что-то в кузове пикапа.

Пассажиры расступились, и водитель быстро заговорил, показывая рукой на нас.

Один из парней, в белой майке что-то спросил у Димы на арабском. Видимо, Диминой борода вызвала доверие. Дима в ответ развел руками.

– Мы туристы, застряли тут – сказал по-английски Дэн. Парень замотал головой – он явно не понял.

– *Divers? Techno-divers?* – раздался тут голос Аси. Она вышла вперед к парням.

Парни ошалело покивали.

– *Tanks... Эээ... Ballons.* Спарки – продолжала Ася, показывая на кузов и улыбаясь.

– *U sportsmens? Divers?* – спросил белая майка.

– *Surfers. Kite-surfers* – радостно сияя, ответила Ася.

– *Ah. U go D*****d?* – спросил парень. – *We... Эээ... Go*

D****d. – и он по очереди обвел указующим жестом себя, своего попутчика, машину и синюю даль, в которой уже занимался рассвет.

– *Sea? You go to the sea?* – дошло, наконец, до Дэна. – Они, по ходу, на море едут.

– Ну да, и нас зовут с собой – сказала Ася.

– *Sea! Баар! Д***д! Go?* – нетерпеливо спросил белая майка.

– Вы как хотите, а я *go* – сказала Ася, закидывая рюкзак в кузов.

– Нет, блин, здесь останемся. Любим, знаешь ли, ночью на обочине посидеть, покурить... – проворчал Дима, залезая следом за ней.

– *Attention! Device!* – обеспокоенно сказал нам второй парень.

– Окей-окей, *understand!* – успокоила его Ася – Пацаны, аккуратнее там, полный кузов снаряги, не сломайте чего, а то фиг расплатимся.

Пол в кузове был застелен полосатым ковром. Мы кое-как распахались между ящиками со снаряжением. Я практически оказалась при этом на коленках у Дэна. Он вроде не возражал. Впрочем, я тоже.

За горами медленно поднималось солнце.

Машинка хрюкнула и покатила в наступающий день.

Баар

13

Один раз, очнувшись от тяжелого дорожного полусна, я вдруг увидела новые горы. Беспорядочное нагромождение света и тени, будто парящее над землей. Холодно, очень холодно, а впереди небо.

– Эй, мы, кажется, приехали – голос Аси, еще через пару часов. Пыльная улица, серые одноэтажные домики. Заборы, через которые кое-где свешивается зеленая ветка дерева, давая понять, что там, за забором, все по-другому и идет своя особенная жизнь. Там еще не проснулись. И не помышляли о том, что можно ехать всю ночь в кузове с железными баллонами в направлении моря.

Южный город вне времени. Кажется, я уже все это видела. Быть может, в кино.

Наши парни-арабы куда-то делись. Мы постояли у машины, и, не дождавшись их, взяли вещи и пошли вперед по улице. Улица упиралась в море.

Над сонной набережной носилась молитва и тихий звон дверных колокольчиков, бившихся на ветру. Они висели у входа в лавку с деревянными верблюдами. Лавочка только открылась, и сонный курчавый парень подметал перед ней

мостовую, напевая себе под нос.

У самой кромки моря были несколько кафешек. Из них пахло яблочным табаком и ладаном. Официанты поливали водой набережную перед своими кафе, и улыбаясь, иногда переговаривались друг с другом. За их спинами лежало море. Оно сонно дышало и ворочало зелеными волнами. Оно было как большой, временно смирный зверь.

– Баар, – улыбаясь, сказал нам сонный хозяин лавочки, указывая на него рукой.

В кафе не было стульев, и мы уселись на кожаные подушки. Они были немного влажные, и низкий стол от влаги покособился на углах. Седой хозяин принес нам кофе и долго расспрашивал кто мы и откуда приехали. Он рассказал, что напротив нас полицейское управление, дальше по берегу есть иностранная школа серфинга, а в лавочке с верблюдами работает его племянник и там можно дешево достать гашиш.

Дедушка, улыбаясь, ушел, а мы пили кофе с видом на полицейское управление. Этому зданию было много десятков лет. И оно, и чашки, из которых мы пили, и подушки, все было старым, обшарпанным и поношенным. Такими бывают домашние вещи, которые помнят с раннего детства и которыми потом всю жизнь дорожат.

- Надо бы что-нибудь съесть.
- Но сначала что-нибудь покурить.
- А вообще неплохо было бы где-нибудь жить.

Ветер уносил наши слова в горы. А мы продолжали сидеть. Потому что Баар, большой зверь, ласково смотрел зелеными глазами прямо в глаза, и никуда не отпускал. Мы уже поняли, что здесь главный – не люди, не ветер, и не полицейское управление.

– Давайте встретимся здесь через час – сказал Дэн, с трудом оторвав взгляд от Баара и посмотрев на свой навороченный Ролекс.

– Угу – сказали все и тоже посмотрели на Дэна. Кроме него, часов ни у кого не было.

В конце концов, мы договорились с седым хозяином, оставили рюкзаки в кафе и пошли каждый туда, куда ему больше всего хотелось пойти.

Я пошла вдоль моря по набережной. Ее давно не ремонтировали, кое-где были довольно приличные ямы, а бетонное ограждение своим видом напоминало улыбку веселого бомжа, у которого зубы через один.

А еще кое-где на ней стояли витые железные фонари с плафонами. Стекла давно вылетели, а железо было от ржавчины темно-рыжим. Остатки плафонов качались и скрипели

на ветру.

Через дырки в ограждении хлестал волнами Баар, он сме-
нил цвет и был в этот час ярко-синим.

Есть мне не хотелось, курить тоже, разговаривать с кем-
то тем более.

Набережная сворачивала за угол, огибая мыс. На этом
мысу, на скале, стоял старый маяк. Тоже весь ржавый и завы-
вающий какими-то своими частями на ветру. Людей на нем
не было, и вид у него был заброшенный. Под набережной,
у самой кромки моря, валялось два старых деревянных сто-
ла и большой зонт, тоже из полинявшего от соли и солнца
дерева. В песок была воткнута вывеска. Картонная середи-
на из нее была выдрана. Баар смотрел сквозь нее на набе-
режную, как любопытный глаз, или как удивленная картина,
убежавшая из рамы.

Ветер на этом углу дул немилосердный. Я расправила ру-
ки, как крылья, и наклонилась вперед, как бы ложась на ве-
тер, но испугалась, потеряла равновесие, и упала.

– *Trust it! Trust the wind!* – раздалось рядом.

Я оглянулась. На остатках ограждения сидел парень, и на-
блюдал за моими разборками с равновесием.

– Доверяй ветру, говорю. И тогда сможешь летать. Ну вот,
смотри, показываю.

Парень неспеша встал, вышел на угол и встал рядом
со мной. Он закрыл глаза, расправил руки и медленно по-
дался вперед всем телом. Постепенно он стал касаться набе-

режной только кончиками разбитых кроссовок.

– Ну и чего смотришь? Пробуй давай.

Я посмотрела вниз, на бетон. Ушибленное колено напомнило о себе.

– Слушай, у меня так не получится.

Парень вздохнул и взял меня за руку.

– Расслабься. Я поймаю, если что. Тебе просто нужно почувствовать, что ты веришь ветру. Он здесь сильный, и это легко.

Я закрыла глаза и развела руки в стороны. Парень чуть потянул меня вперед. И я почувствовала, как поток сопротивляется моему падению. Постепенно я все больше опиралась на ветер, и парень отпустил мою руку. Скрип фонарей и маяка, звук ветра и бьющейся о берег воды вдруг выстроились в мелодию, с четким рисунком и ритмом. Это была песня о времени, о людях, тех, кто приходил и уходил, и о море и горах, которые оставались, о вечности, которая здесь жила, и немного обо мне, потому что, оказавшись здесь, я стала частью этой местной вечности.

Постепенно ветер начал чуть-чуть стихать. Почувствовав это, я качнулась назад, и, поняв, что твердо стою на земле, открыла глаза.

– Ты слышала Песню – сказал парень. Он опять сидел на раздолбанном заборе и улыбался.

– Песню?

– Ну да. Песню Баар. У тебя было такое лицо, как будто ты

ее слышала. А знаешь, тебе повезло. Не все могут слышать Песню и летать с первого раза.

Я села рядом с ним, и закурила.

– «Клеопатру» куришь? Ну ты даешь! Мы это называем *Kill you patra*. Патра – это «быстро» по-нашему – усмехнулся парень. На вид ему было лет пятнадцать, он был высокий и смуглый. Он очень сносно говорил по-английски. Я протянула ему сигарету. Он отрицательно мотнул головой в ответ.

Я затянулась «Клеопатрой». Мы молчали. Баар пел.

– Ты давно здесь? – спросил парень.

– Часа три.

– И где ты живешь?

– Пока нигде.

– Я Самир.

Я назвала свое имя.

– Мне пора идти – отец меня на рынок послал, а я тут с тобой залип. Сейчас уже постояльцы проснутся, а завтрака нет...

– У вас отель что ли?

– Да какой нафиг отель, ты вокруг-то посмотри. Гест-хаус для серферов. Доллар ночь, два – если с завтраком. Хочешь, пошли со мной, посмотришь – Самир скептически окинул меня взглядом – Жить у нас не предлагаю, ты не серфер и вообще девочка. А у нас душ на улице. Но хоть папа при тебе не будет сильно ворчать.

Город

15

Мы пошли пыльными улицами вглубь городка. По дороге я заметила несколько заброшенных домов и магазин с выбитыми стеклами и ржавой вывеской.

– Самир, а почему их бросили?

Самир остановился посреди улицы, попросил сигарету и задумчиво закурил.

– Здесь когда-то была война, лет двадцать назад. В смысле, в стране была, здесь нет. Здесь вообще ничего не было. Ни электричества, ни домов, ничего. Жили несколько семей рыбаков в шалашах на берегу. Они ни с кем не воевали, и даже толком не знали, что люди там, в большом мире, не поделили между собой. А потом сюда стали приходить люди, уставшие от войны. Они здесь все сами сделали, своими руками. И долго жили сами по себе, без правительства, без полиции. Правительство было так занято своими делами, убийствами и разрушением, что и не заметило появления Д****да. Его, говорят, долго и на картах-то не было. И дороги сюда не было тоже. Все, что нужно, делали сами, или возили морем и верблюжьими тропами через горы. Здесь было еще несколько свободных городов, про ко-

торые никто не знал. Говорят, в горах до сих пор есть один или два... Папа говорит, тогда было хорошее время. Лучшее. Люди, уставшие от войны, всегда говорили тихо и не запирали своих домов. Даже на детей не кричали. И никогда не говорили про войну.

Самир стоял, прислонившись спиной к серому бетону стены, и задумчиво смотрел на море, видневшееся сквозь пролом.

– А что было потом? Что-то плохое?

– Да... Война кончилась, и кто-то рассказал правительству про Д***д. Сюда прислали чиновников. Они приехали из разоренной страны и увидели наш город. Они захотели, чтобы Д***д стал похож на города, откуда они приехали. Города ненависти. На их дурацкие города – других-то они никогда не видели...

Самир достал из пачки вторую сигарету и стал чиркать старой зажигалкой, отворачиваясь от ветра. Она долго не срабатывала.

– Ну и чего дальше-то?

– Подожди... – и мне пришлось ждать вечность, пока Самир зажжет свою сигарету. Видимо, во время курения ему было проще сосредоточиться на английском.

– Чиновники попытались ввести здесь свои правила. Но это были глупые правила, они делали жизнь только сложнее и хуже. Поэтому им никто не следовал. Потом случилась какая-то плохая история – главному чиновнику пригляну-

лась одна девушка здесь. Он стал ее помогать. Я не знаю точно, что произошло, но это была плохая история... Этот чиновник куда-то делся. Говорили, пошел ночью пьяный купаться, и утонул. Тело не нашли – Баар забрал. Через неделю сюда приехали военные. Жителей Д****да кто-то предупредил, и они ушли из города, бросив все. Некоторые вернулись потом, и нашли руины – солдаты все разнесли и разграбили, даже фонари вон сломали. Д***д нанесли на карту, сюда провели дорогу и прислали полицейского комиссара. Те, кто еще хотел здесь жить, встали на учет в полицию. И снова построили свои дома и вырастили деревья. Опять сами. Заборы вон, видишь какие поставили – раньше не было такого. Ну, как папа говорит.

– А папа твой – он из тех, из первых? Кто устал от войны?

– Э, нет – Самир усмехнулся – Папа был первым полицейским комиссаром, которого прислали сюда смотреть за городом. Он что-то там нагрубил своему начальнику, или ослушался приказа, и его сюда как бы сослали из столицы, с глаз долой. Его страшно здесь не любили вначале. А потом он подружился с одной семьей. Они приняли его, как сына – папа тогда молодой очень был. Он полюбил их дочь, маму мою, и женился на ней. После этого его хотели отозвать в столицу. А он не стал возвращаться, взял и уволился со службы. Вот так.

Я тоже закурила. Баар тяжело дышал за оградой, как будто, слушая эту историю, пережил все заново.

– Пойдем уже, а?

– Пойдем. Слушай, а у вас в кемпе много туристов?

– Здесь вообще нет туристов – с некоторым раздражением пояснил мне в очередной раз Самир – Только серферы и еще люди, уставшие от войны. Только те, кто знает про это место от других, которые знают про это место.

– А разве война здесь еще идет?

– Война во всем мире идет. В основном в головах. Это самая страшная война. Ну, так папа говорит – Самир протяжно сплюнул на дорогу – Мне эти, с войной в башке, не нравятся. Да и ты держись от них лучше подальше. Хотя среди них много иностранцев. Может, есть и твои... Но пока в себя не придут, от них надо держаться подальше нормальному человеку.

– Почему?

– Потому что чужое несчастье – как болезнь, им легко заразиться.

Мы завернули за очередной пыльный угол и вдруг оказались у ворот кемпа. Над ними красовалась поблекшая вывеска: «*The Flying Kangaroo*».

– Летающий кенгуру? – усмехнулась я.

– Да, так меня мама называет... Называла... раньше. Не важно. Эй пап! Пап, *саям*!

За воротами располагался большой зеленый двор. Посреди двора стояла беседка. Ее тростниковая крыша напоминала растрепанную волосатую голову. В беседке, в плетеном

кресле сидел красивый высокий старик. А рядом, в гамаке, болтался беззаботного вида парень в полицейской форме. На столике между ними был небольшой изящный кальян и две стеклянные кружки с чаем. В неподвижном воздухе стоял сладковатый запах дыма.

Красивый старик сдвинул брови и с достоинством кивнул мне. Парень в форме смутился, поспешно вылез из гамака и сделал грозное лицо. Лицо, правда, вышло скорее обиженным, а сцена – уж очень смешной, я с трудом удержалась.

– Это господин Хассан, наш новый комиссар. Здесь их каждые два года меняют, только имена успевай запоминать... – вполголоса сказал мне Самир. – Пошли, я на кухню, покажу тебе все по дороге.

В моей комнате в «Летающем Кенгуру» были кровать, вешалка и все. Комната, чтобы не засиживаться в комнате. Дом, чтобы не оставаться дома. Я кинула рюкзак в угол и прилегла на пять минут.

Проснулась я часа через три. На улице было уже темно. По всему двору светились цветные огоньки. Это были светильники странной формы, напоминавшие кривоватые груши. Стеклоанная основа была обклеена осколками плитки и керамики разных цветов.

– Эти лампы один бедуин делал. Старенький совсем и странный – Самир откуда-то возник и заметил мой интерес – То неделями пропадал где-то, то вдруг появлялся, целыми днями бродил по набережной и говорил всем *Welcome!* Он подбирал на стройках и на пляже всякий плиточный и стеклянный мусор, складывал в свой мешок, говорил, что у красивых осколков обязательно должна быть новая жизнь, надо просто придумать, как собрать их вместе правильно. Он много странного говорил, его считали... Ну, типа божьим человеком. Кормили, дарили одежду, деньги... Он в ответ улыбался и бормотал что-то, или просто говорил *Welcome!*

Самир рассказал, как однажды дед забрел в чей-то двор. Хозяйка вышла к нему, усадила, принесла поесть. В углу, среди мусора, дед увидел старую стеклянную вазу. Он спро-

сил хозяйку, почему она выкинула ее. Женщина засмеялась и говорит: да ты посмотри на эту рухлядь, вся мутная, кри-
вая, да еще и с трещиной – она же уродливая, не место ей
в моем доме. Дед попросил принести ему клей и свечу. Хо-
зяйка только плечами пожала, думала, хочет починить, да
разве можно починить такой страх?.. Но клей где-то достала,
и свечу, и принесла. Дед сидел во дворе до вечера, шуршал
в своем мешке, головой качал. Хозяева про него уже забыть
успели. Когда начало темнеть, он постучался в дом, позвал
хозяйку, ее детей взял за руки и повел к дереву, под кото-
рым сидел весь день. Подошли – на ветке висит сверкающий
огонек, качается на ветру и от него цветные искры разлета-
ются по земле. И будто не просто отблески от стекла, а са-
ма Радость танцует по двору. Дети стали хлопать в ладоши
и кричать: «Новый год, новый год!». Хотя на дворе июль был.
А хозяйка аж прослезилась. Как, говорит, ты, колдун, такое
чудо сделал из той старой страшной посуды? Ну дед ей зале-
пил в своем репертуаре: настоящая, говорит, красота часто
только для тех, кто сумеет ее разглядеть.

– Учись, говорит, глядеть, женщина, увидишь, как много
красоты в твоём доме, которую ты выносишь на помойку...
Такой вот был странный дед, да. Но у нас странных много,
увидишь еще...

– А почему был? Умер?

– А кто его знает... Ушел опять в свою пустыню, и так
с прошлой весны в городе не показывался. Может, и помер.

Жалко, очень добрый был... Говорят, судьбу верно предсказывал. Но только тем, кого сам выбирал. Некоторые ему деньги за это предлагали, он посмеивался и уходил. А мог человека посреди улицы остановить и рассказать ему всю его жизнь... Пошли в чилл-аут чай пить, сейчас народ подтянется.

В чилл-аут вскоре «подтянулась» седая дама лет шестидесяти. Сухая, элегантная, с правильными чертами лица и ярко-голубыми глазами, она могла оказаться в равной степени как арабкой, так и итальянкой или француженкой. Дама кутила хрупкие плечи в широкий шелковый шарф. Самир почтительно обращался к ней «мадам Хасна».

После довольно путанного представления мы, наконец, разобрались, на каком языке друг с другом разговаривать – мадам Хасна, оказалось, помимо арабского, свободно владела несколькими европейскими.

– Самир, ты представляешь, у меня в доме завелась мышь! Я ее вчера видела, – сказала мадам Хасна на прекрасном английском.

Самир задумчиво почесался.

– В магазине у Абдаллы, рядом с мостом, продается мышиный клей. Очень хорошо помогает!

– Клей? – удивилась мадам Хасна – а как он помогает?

– Ну, известно как, – развел руками Самир, – мышь приклеивается к полу, не может бегать, и в конце концов умирает от голода.

– От голода... – содрогнулась мадам Хасна, – а другие средства есть?

– Ну да, у Мухаммеда в лавке, на рынке, есть мышиный

порошок. Правда, гарантию я бы не дал, мыши умные пошли, не каждая его есть станет.

– А что случится, если вдруг съест? – настороженно спросила мадам Хасна, явно предчувствуя недоброе.

Недоброе, впрочем, тут же и последовало:

– Ну, порошок выжжет ей внутренности, и мышь помрет, медленно и мучительно...

– О, нет, не надо, не хочу, чтобы у меня в доме кто-то мучительно помирал... – перекосилась мадам Хасна. – Может, можно ее как-нибудь... Ну, просто выгнать?

– Заведите кота, – предложила я.

– Так он ее съест? – мадам Хасна зябко закуталась в шарф, звякнув тяжелым браслетом на тонкой сухой руке.

– Вы маленького заведите. Он никого не съест, а мышь почувствует его запах, испугается и уйдет.

– Слушайте, а это мысль... Спасибо! Самир, не знаешь, где можно взять маленького кота?

– Не волнуйтесь, достану я вам кота. самого лучшего кота! Прямо завтра! – торжественно пообещал Самир. – Пойду кальян, пожалуй, принесу.

– Я из Бейрута, и французский – мой второй родной язык – сказала мадам Хасна, когда Самир ушел – а остальные пять пришлось выучить по необходимости...

– Мадам Хасна была фото-моделью! Она работала в Париже, и вообще весь мир объездила. А муж у нее... – вос-

торженно включился вернувшийся Самир.

– Да, будущий муж увидел мое фото на обложке модного журнала, и вбил себе в голову, что должен на мне жениться... Сколько раз ты слышал эту историю, Сами? И все она тебе не надоест... – мягко улыбнулась она.

– И он разыскал ваш телефон! – Самир устроился поудобнее, и принялся раскуривать кальян.

– Да, подкупил кучу людей, – смеялась мадам Хасна.

– А вы чуть не отказали ему во встрече, но вдруг передумали!

– Да, мало ли сумасшедших мне звонили... Но было что-то в его голосе, что заставило меня пойти на свидание...

– А потом замуж! Хотя он был некрасивый!

– Нет, был. Он не был красавцем, как актер или певец. Но мне никогда не нравились ни певцы, ни актеры...

– «Красивый» и «красавец» разве не одно и то же?

– Нет, Сами, это совсем разное.

– Ну пусть – мой английский хуже, чем ваш...

– Твой английский достаточно хорош, чтобы понять разницу – усмехнулась мадам Хасна.

Мы молча курили кальян, слушая цикад и приглушенный шум моря.

– Штормит... – задумчиво сказал Самир. – А вы все-таки ходили сегодня плавать, мадам Хасна?

– Да, как обычно – до мостика и обратно.

Я прикинула в уме расстояние. Примерно два километра.

– Надо нам будет собраться опять на рыбалку.

– Да. Или пойти на мост кальмаров ловить с фонариком – сказала мадам Хасна. И, мастерски выпустив кольцо дыма, добавила – Главное, чтобы этот новый комиссар не пронюхал...

– Да с ним все в порядке уже – уверенно сказал Самир.

– Точно?

– Сто процентов.

Мадам Хасна затянулась и вдруг рассмеялась так, что подавилась дымом:

– Вспомнила, как мы ловили кальмаров с Фэ.

Самир тоже усмехнулся:

– Да, помните, я ей кальмара бросил, чтоб в корзину убрала, а она как завизжит...

– Ага, а ты ей: «Тихо!» – на весь Д*****д. А Фэ тебе, еще громче: «Он же ползает!». И как отшвырнет его – обратно в море! – хохотала мадам Хасна.

– Ага. Кальмар такой, прыгает на нее по набережной – совсем ошалел от света, а она визжит!.. И как пнет его в воду! Я ее потом месяц Гринписом дразнил – улыбнулся Самир – Фэ – это сестра моя, Фарида – сказал он, повернувшись ко мне. – Всю ловлю тогда испортила! Нам пришлось с моста убежать, пока кто-нибудь не пришел и не увидел.

– Веселая была рыбалка, – улыбнулась мадам Хасна, глядя на дым.

– Самая веселая... – тихо сказал Самир куда-то в небо. Он

лежал, откинувшись на подушки чилл-аута и скрестив руки за головой.

– Мадам Хасна? – произнес он после долгой паузы.

– Да?

– Вы правда хотите ловить кальмаров?

– Да, очень хочу.

– Давайте в среду пойдем. В среду будет отличная погода для кальмаров.

– Хорошо.

Мы снова молчали. И только ночь пела над головой.

– Пойду я домой, пожалуй, темно совсем, – произнесла мадам Хасна.

– Спокойной ночи, мадам Хасна. Вас проводить?

– Нет, спасибо, Самир. Спокойной ночи. И не забудь про кота!

– Не забуду, я же обещал. К вечеру будет вам кот, приходите.

Аристократичный силуэт мадам Хасны медленно таял в сумерках. Она обернулась и помахала нам от ворот. Мне послышалось, как тяжелый браслет снова звякнул у нее на руке.

У некоторых людей очень сложные лица. Вроде ничего такого в них нет, но вот мелькнет выражение – и покажет насквозь весь их характер. Удивительные лица, редкие лица.

Та женщина, которую я пыталась рисовать сегодня в кафе, была иногда очень похожа на овцу. Это ее лицо я пыталась поймать третий час, забыв про остывший суп, и вообще про все забыв. В конце концов тетка расплатилась и ушла, а у меня так ничего и не вышло. Я в досаде скомкала листок и бросила на стол. Ветер подхватил его и понес.

– Ух ты, прикольно! Зачем выкинула? – сказал Памба, который его поймал у самого входа.

– Да ничего не прикольно, – озлилась я на мир, – овца вертлявая, и руки еще дрожат.

– Гы, а я ведь ее знаю, и правда овца реальная. Что с руками, это после утра что ль? – довольно осклабился Памба

– Ну да.

– Но тебе хоть понравилось?

– Офигенно было.

И несмотря на боль во всем теле, дрожащие руки, покоцанные колени, килотонну проглоченной морской воды – мое третье утро на серфе реально было офигенным.

Памба и Кот – чуваки, с которыми я познакомилась в чилл-ауте у Сами, сегодня потащили меня в море на риф.

Два дня до этого мы тренировались у берега «в пене». Точнее, тренировалась я. Коту с Памбой быстро надоедало стоять в воде по колено и дурными голосами орать: «гребь-вставай!», и примерно минут через двадцать они усаживались под навесом курить и обсуждать знакомых девок.

– А мы тебе все показали, дальше просто вопрос практики, – сказал Памба, когда я с возмущением подошла к ним.

– Че вышла-то? Давай назад. Пока не поедешь, отсюда не уйдешь, – мрачно добавил Кот.

Еще минут через тридцать я снова вылезла из воды – я реально задыхалась, захлебывалась и ничего уже не соображала. Бросив доску у самой кромки прилива, я уселась на нее, с ненавистью глядя в море.

– Ну и че сидим, хлюпаем? Силы кончились, да? А не надо с морем бороться – ты ему противник не равный – рядом со мной сел Кот с бутылкой пива. Холодная бутылка, по запотевшему боку которой стекала вниз тяжелая капля, как магнитом притягивала взгляд. Кот посмотрел на меня, и сделал самую жестокую вещь на свете – с наслаждением из нее отхлебнул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.